

Коммуникативные стратегии теоретического дискурса

В.И. Тюпа
МОСКВА

Прежде всего следует установить тот класс дискурсивных практик, к которому принадлежит теоретизирование, то есть позиционировать теоретический модус высказываний относительно нарратива как наиболее изученного из родов дискурсии. Это нижеследующее рассуждение само явит нам пример теоретического дискурса, исследуемого в настоящей статье.

Теоретический взгляд на историю типов текстопорождения (дискурсии), на систему качественных скачков в процессе становления (развертывания) родов речевой деятельности человека открывает перед нами следующую картину.

Базовыми коммуникативными структурами, по всей видимости, необходимо признать *автореферентный* коммуникативный акт прямого речевого действия, с одной стороны, и *автокоммуникативный* процесс¹ молчаливой речи – с другой.

В первом случае мы имеем дело с иллокутивной речью: зовом, просьбой, приказом, предупреждением об опасности, побуждением к сопереживанию или совместной деятельности, клятвой или магическим заклинанием, обменом вопросно-ответными репликами и т.п. При этом коммуникативное событие взаимодействия сознаний (т.е. дискурс в вандейковском понимании²) авторе-

¹ Специальному изучению автокоммуникативных процессов начало было положено классической работой тартусской семиотической школы: Лотман Ю.М. О двух моделях коммуникации в системе культуры // Труды по знаковым системам, VI. Тарту, 1973.

² Т.А. ван Дейк, четко разграничивая «употребление языка и дискурс», трактует последний как «коммуникативное событие» социокультурного контакта, включая в него «говорящего и слушающих, их личностные и социальные характеристики, другие аспекты социальной ситуации», в частности, «значения, общедоступные для участников коммуникации, знание языка, знание ми-

ферентно, поскольку высказывание, манифестирующее дособытийное желание говорящего, свидетельствует о себе самом, не отсылая ни к какому иному событию. Такой род дискурса в современных теориях коммуникативных актов получил наименование *перформатива*.

Всякое высказывание обладает тройкой интенцией: референтной, креативной и рецептивной³, – ни одна из которых элиминирована быть не может. Однако в перформативных дискурсах референтная интенция существенно редуцирована. Конструктивная роль доминанты коммуникативного события здесь принадлежит интенции рецептивной. Ведь при отсутствии адекватной рецепции речевое действие неосуществимо, поскольку после своего осуществления (произнесения) остается недействительным, т.е. недействительным. Структурная функция креативной интенции перформатива может быть квалифицирована как субдоминантная.

Процесс мышления, протекающий в формах внутренней речи⁴, предстает как «сплошная предикация» (Выготский) без тематизации, ибо тематическая сторона собственного мыслеречения известна его субъекту изначально. Но эти тематизмы могут быть вербализованы, как и сама их предикация, что и составляет процесс автокоммуникативной дискурсии. Образованные таким образом «дискурсы молчания» могут быть высказаны вслух или обозначены на письме. Тогда мы получаем конспективное (относительно процесса мысли) высказывание – описательное или декларативное.

Декларатив представляет собой коммуникативное событие, референтным содержанием которого выступает автокоммуникативный процесс обобщения и оценки. В рамках декларативной дискурсии рецептивная интенция редуцирована: декларация актуализируется в коммуникативном пространстве общения независимо от того, приемлема ли она для воспринимающего сознания. Поэтому декларативный дискурс до известной степени авторецептивен. Доминантная роль в коммуникативной структуре декларатива принадлежит креативной интенции декларирующего субъекта.

Охарактеризованные классы дискурсии исторически наиболее архаичны и глубоко практичны (атеоретичны); к тому же они представляются функционально взаимодополнительными: «И сказал Бог: да будет свет. И стал свет (перформатив. – *В.Т.*). И увидел Бог свет, что он хорош (потенциальный декларатив. – *В.Т.*)» (Быт 1, 3-4). Среди текстовых образований позднейшей культуры к числу декларативных дискурсов можно причислить, например, «Декларацию прав человека и гражданина» (плод коллективной автокоммуникации), «Катехизис революционера» Нечаева, «Так говорил Заратустра» Ницше и т.п.

Описание, будучи вербальной фиксацией состояний или процессов жизни как чего-то внесобытийного, длящегося или повторяющегося, также происходит из автокоммуникации. Прежде чем выстроить дескриптивную дискур-

ра... установки и представления» (Дейк, ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989. С. 122).

³ См.: Тюпа В.И. Онтология коммуникации // Дискурс № 5/6. Новосибирск, 1998.

⁴ См.: Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 тт. Т. 2. М., 1982. С. 295-360; Жинкин Н.И. Язык – речь – творчество. М., 1998. С. 104-167.

сию субъекту необходимо сориентироваться в окружающей ситуации, во внешних данностях жизни, что продельвается нами в формах вунутренней речи. Лишь затем автокоммуникативная фиксация объектных характеристик бытия молчаливой речью «про себя» может манифестироваться вненарративными высказываниями, которые целесообразно именовать вслед за Ж. Женеттом *итеративами* (от «итеративности» – повторяемости поддающихся описанию ситуаций и процессов).

Конструктивная роль доминанты в итеративной дискурсии принадлежит референтной интенции коммуникативного акта. Креативная же интенция здесь редуцирована до фиксации наблюдаемого. Референтная сторона итератива говорит как бы сама за себя, что придает его коммуникативной структуре тенденцию к автокреативности, реализованной в «древнем рассказе-мифе», где, согласно характеристике О.М. Фрейденберг, «рассказчик идентичен своему рассказу», в котором «нет различия между тем, кто рассказывает, что рассказывается, кому рассказывается»⁵.

Следует оговориться, что практика нарративного письма, широко включающего в свой состав фрагменты описаний, к нашему времени значительно развила креативные возможности итеративного дискурса, который в составе художественной литературы тяготеет к нарративности, поскольку «находится на службе у повествования «в собственном смысле», то есть у сингулятивного повествования»⁶.

Еще три рода дискурсии обладают более сложной «двоякособытийной» коммуникативной структурой и, так сказать, надстраиваются над тремя перечисленными «монособытийными».

Прежде всего, над перформативной практикой общения надстраивается «метаперформатив» – изложение некоторого речевого взаимодействия, т.е. такое коммуникативное событие, референтным содержанием которого служит другое коммуникативное событие. Простейший пример – стенографическая передача обмена репликами (а он сказал... а она сказала... а я сказал...). Таков *миметический* дискурс⁷ ритуальных высказываний, драматургии, сократического диалога, а также безыскусного рассказа о жизненных событиях, нередко выливающегося в квазичитатную передачу реплик участников этих событий.

В отличие от первоформативной дискурсии метаперформативная обладает достаточно развитой референтной интенцией, однако при этом сохраняется конструктивная роль рецептивной интенции в качестве доминанты коммуникативного события. Воспроизведение чужих высказываний, по крайней мере формально, оставляет за адресатом свободу их интерпретации, предполагая на пределе данного типа дискурсии пассивную «прозрачность» креативной инстанции говорящего.

Миметив (миметический дискурс) способен обладать сюжетно-эпизодической организованностью, однако не обладает повествовательной структурой нарратива. Итератив, напротив, обладая повествовательными воз-

⁵ Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. М., 1978. С. 210-211

⁶ Женетт Ж. Повествовательный дискурс // Женетт Ж. Фигуры. Т. 2. М., 1998. С. 144.

⁷ См.: Женетт Ж. Границы повествовательности // Фигуры. Т. 2.

возможностями, лишен эпизодичности. И хотя многие нарратологи включают и миметические⁸, и итеративные тексты в сферу своих интересов, эти дискурсы корректнее рассматривать как протонарративные. Исходя из положений о сравнительно позднем возникновении наррации⁹, понимаемой как деритуализованная, историфицированная форма сюжетного мышления¹⁰, протонарративы представляются основными дискурсивными практиками мифоритуальной стадии человеческой ментальности.

Интенсивно изучаемый в последние десятилетия *нарратив* (сюжетно-повествовательная дискурсия, «диегетическая» на языке Платона и Аристотеля) представляет собой класс двоякособытийных дискурсивных практик, связывающих в нераздельное единство высказывания «в его событийной полноте» качественно разнородные события: *референтное* хронотопическое «событие, о котором рассказано в произведении», и *коммуникативное* «событие самого рассказывания», в котором «мы и сами участвуем как слушатели-читатели»¹¹.

Нарратология, зародившаяся как скромная теория повествования¹², со временем выросла в теорию событийности¹³ – одной из фундаментальных (взаимодополнительных к процессуальности) онтологических характеристик бытия¹⁴. «Бытие событийно» (непредопределено, случайно) и «бытие процессуально» (закономерно, прогнозируемо) – два взаимодополнительных утверждения, в равной мере обладающих относительной истинностью.

Принципиальным свойством события, отсутствующим у процесса, является его интенциональность, неотделимость от соответствующей точки зрения на него, поскольку «главное действующее лицо события — свидетель и судья»¹⁵. Из этого свойства событийности и рождается наррация, не только информирующая о происшедшем, но и неизбежно задающая адресату определенный угол зрения на референтное событие, то есть предлагающая его имплицитную интерпретацию.

Последнее означает, что конструктивная роль коммуникативной доминанты, как и в случаях итеративной дискурсии, остается в нарративе за референтной интенцией. Однако нарратив в то же время отличает весьма развитая

⁸ См., например: Chatman S. *Coming to Terms: The Rhetoric of Narrativ in Fiction and Film*. Ithaca, 1990; Шмид В. *Нарратология*. М., 2003.

⁹ См.: Фрейденберг О.М. *Происхождение наррации* // Фрейденберг О.М. *Миф и литература древности*. М., 1978.

¹⁰ См.: Лотман Ю.М. *Происхождение сюжета в типологическом освещении* // Лотман Ю.М. *Статьи по типологии культуры*. Вып. 2. Тарту, 1973.

¹¹ Бахтин М.М. *Вопросы литературы и эстетики*. М., 1975. С. 403-404.

¹² См.: Friedemann K. *Die Rolle des Erzählers in der Epik*. Berlin, 1910.

¹³ См.: Шмид В. *Нарратология*. С. 20 и др. См. также: Тюпа В.И. *Очерк современной нарратологии* // *Критика и семиотика*. Вып. 5. Новосибирск, 2002.

¹⁴ Рикёр в своем нарратологическом трактате говорит о «родовых феноменах» событий, процессов и состояний (Рикёр П. *Время и рассказ*. М.-СПб., 2000. Т. 1. С. 212).

¹⁵ Бахтин М.М. *Эстетика словесного творчества*. М., 1979. С. 341.

креативная интенция рассказывания. Это позволяет трактовать наррацию как своего рода «метаитеративную» надстройку над дескриптивной дискурсией.

Тщательное изучение нарративных и протонарративных структур позволило обнаружить за пределами этой обширной области двоякособытийный анарративный дискурс. Этот класс дискурсивных практик в лингвистике недавно получил довольно удачное наименование: *ментатив*¹⁶. Референтным содержанием ментативных высказываний выступает не событийная интрига жизни, а процессуальная законосообразность бытия, что порождает их эксплицитную интерпретационность. Принципиальное отличие таких высказываний от итеративных или декларативных состоит в том, что они не просто информируют о состояниях или процессах бытия или мышления, но предполагают – в качестве следствия коммуникативного события – некоторое *ментальное событие* (изменение картины мира) в сознании адресата.

Декларатив не равивает мысль в направлении воспринимающего сознания, а лишь транзитивно утверждает нечто в нем. Он выступает до известной степени скрытым перформативом. Ментатив же состоит в концептуализации своего референтного содержания, то есть в его «выкладке», «развертке» для Другого – в сверхопытной верификации смысла. Понимание, хотя и опирается на знание объективных сторон действительности, само подлежит не столько эмпирической проверке, сколько экспликации в семантическом поле других сознаний.

Вследствие сказанного ментативная дискурсия обладает развитой рецептивной интенцией, однако конструктивная роль коммуникативной доминанты здесь сохраняется за креативной интенцией, что позволяет трактовать ментатив как «метадекларативное» высказывание.

Предложенную таксономию дискурсивных практик наглядно можно представить в следующей таблице:

МИМЕТИВ	НАРРАТИВ	МЕНТАТИВ
(мета-	(мета-	(мета-
перформативность)	итеративность)	декларативность)
ПЕРФОРМАТИВ	ИТЕРАТИВ	ДЕКЛАРАТИВ
(автореферентность)	(автокреативность)	(авторецептивность)

Высказывание с метадекларативной структурой и проектом ментального события в качестве коммуникативного задания и представляет собой, по видимому, теоретический дискурс в строгом значении этого термина.

Для дальнейшего уточнения природы теоретической деятельности человека как деятельности коммуникативной необходимо ее рассмотреть под углом зрения трех «дискурсивных компетенций»¹⁷, – референтной, креативной и

¹⁶ См.: Максимова Н.В. Чужая речь в нарративе и ментативе // Слово. Словарь. Словесность. СПб., 2004; Максимова Н.В. «Чужая речь» как коммуникативная стратегия. М., 2005.

¹⁷ Термин «компетенция» вслед за А.Ж. Греймасом мы используем «для обозначения совокупности необходимых (коммуникативных – В.Т.) условий реализации высказывания», поскольку «производство дискурса проявляется

рецептивной¹⁸, – определяющих коммуникативную стратегию любого актуального или потенциального высказывания Названные компетенции соотносятся с «позициями в дискурсивном поле» (П. Серю), обозначенными еще Аристотелем¹⁹, и мыслятся нами как «специфические ограничения, которые уменьшают выбор того, что можно сказать»²⁰. Этими коммуникативно-стратегическими ограничителями очерчиваются границы определенной дискурсивной формации.

Со стороны своей *референтной* компетенции теоретическое высказывание характеризуется тем, что говорит не о существовании явлений и деятельностей, но об их сущности, не об актуальном, но о виртуальном. В расхожем словоупотреблении это принято именовать «абстрактностью», «отвлеченностью» (часто с привкусом осуждения). Между тем, самая суть теоретического дискурса состоит именно в том, что его референтную компетенцию составляет не знание, а *понимание*.

Знание (в строгом значении этого термина) представляет собой такое содержание сознания, которое не зависит от самого сознания (неинтенционально). Оно подлежит верификации (объективной проверке, подтверждению опытным путем), по существу не нуждаясь в дополнительной аргументации (интерсубъективной проверке на убедительность). Наделение сообщения статусом знания предполагает известного рода дезактуализацию креативного субъекта (говорящего) – позицию его самоустранения из содержания дискурса.

Напротив, понимание – в отличие от знания – интенционально: это всегда чье-то индивидуальное понимание, зависимое от понимающего сознания²¹. Однако понимание не следует смешивать с другими интенциональными содержаниями сознания: убеждениями и мнениями. В отличие от убеждения оно относительно (это всегда лишь некоторая «правда» о предмете понимания, а не безапелляционная истина). В отличие от мнения понимание не субъективно, а интерсубъективно, доказательно. Наделение сообщения статусом понимания предполагает «самотрансценденцию» креативного субъекта – выход говорящего в метапозицию ответственности за свое высказывание как некий личный проект сверхличной истины.

как длящийся выбор возможностей, пролагающий себе дорогу через сеть ограничений» (Greimas A.J., Courtes J. *Sémiotique: Dictionnaire raisonne de la théorie du langage*. Paris, 1979. P. 103, 106).

¹⁸ Подробнее см.: Тюпа В.И. *Основания сравнительной риторики // Критика и семиотика*. Вып. 7. Новосибирск, 2004.

¹⁹ Отец классической риторики выделял в составе коммуникативного события «самого оратора», «предмет, о котором он говорит», и «лицо к которому он обращается» (Аристотель. *Риторика // Античные риторики*. М., 1978. С. 24).

²⁰ Серю П. *Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса*. М., 2002. С. 28, 30.

²¹ Внеинтенциональность процесса, о которой говорилось выше, этому не противоречит: природные процессы благополучно протекают и без бахтинского «свидетеля и судии», однако в нашем понимании природа «выступает в том виде, в каком она выявляется благодаря нашему способу постановки вопросов» (Гейзенберг В. *Физика и философия*. М., 1963. С. 36).

Таким образом, понимание, опираясь на знание объективных сторон действительности, само подлежит не столько эмпирической проверке, сколько экспликации в семантическом поле другого сознания (других сознаний). Декларатив не рарвивает мысль в направлении воспринимающего сознания, а лишь транзитивно утверждает нечто в нем. Он выступает до известной степени скрытым перформативом. Ментатив же состоит в концептуализации своего референтного содержания, то есть в его «выкладке», «развертке» для Другого – в сверхопытной верификации *смысла* (а не значения).

Смысл нельзя знать – его можно только понимать. Поэтому, как писал Б.Ф. Егоров, «к сожалению (или к счастью?!), в гуманитарных науках от разума и души анализатора не избавиться никакими силами»²². Типичным предметом понимания служит, например, чужое «я» (чисто смысловое явление жизни); понимание же природного объекта предполагает отношение к нему как к субъекту, отвечающему на наши вопросы на своем, неизвестном нам языке (теоретическая физика В. Гейзенберга).

В отличие от знания, которое служит отгадкой некоторой загадки, понимание есть проникновение в область тайны. Этим проникновением тайна сущности проясняется, однако не исчерпывается, не уничтожается как тайна. Поэтому понимания одной и той же сущности всегда множественны, но не произвольны. Понимание не характеризуется как истинное или ложное (ложное понимание есть непонимание); оно характеризуется глубиной и являет собой некоторую правду о предмете, которая не может быть отброшена, но может быть развита, восполнена или переосмыслена.

Между знанием и пониманием имеется еще один «водораздел» – простой и очевидный: знание в большей или меньшей степени, но неизбежно подвержено забвению, тогда как утратить достигнутое понимание (без внешнего фактора нарушений психики) невозможно, как невозможно научиться плавать или ездить на велосипеде.

Разумеется, сказанное вовсе не означает, что теоретику знания не нужны. Без знания предмета как некоторого существовавшего понимание его сущности невозможно. Однако знания о предмете (порой привлекаемые для иллюстрации выдвигаемых положений) не составляют референтного содержания собственно теоретических высказываний.

Креативная компетенция теоретического дискурса состоит в инновационности научного языка (научного диалекта), на котором осуществляется данное высказывание. Разбираться в какой-либо теории означает «учить» ее язык, иногда близкий реципиенту, мыслящему на сходном диалекте, иногда далекий и чуждый для него. Это столь же непреложно, как и то, что в религиозном дискурсе (исключая теоретико-богословские тексты), семиотическая инновационность неуместна и возможна только вследствие конфессионального кризиса.

Если высказывание ограничивается перефразированием или деконструкцией чужих теорий, оно не может быть признано теоретическим дискурсом. Так, книга А. Компаньона «Демон теории» при всей своей глубокомысленно-

²² Егоров Б.Ф. Структурализм. Русская поэзия. Воспоминания. Томск, 2001. С. 74.

сти и небесполезности для науки носит не собственно теоретический, а квазитеоретический характер интервенции в область теории. Теоретизирование конструктивно «по определению», оно всегда предлагает некоторую собственную метаязыковую конструкцию.

В основе любой теории как такой конструкции обнаруживается инновационный *концепт*²³ или конфигурация концептов. Будучи явлением внутренней речи, семантическими единицами которой служат не значения, а смыслы (Л.С. Выготский), концепт обладает для теоретика допредикативной очевидностью. Теоретическое построение состоит в конструировании денотативной области значений актуализируемого концепта (смысла), то есть в формировании научной *категории* и введении ее в сложившуюся систему категорий (нередко ценой перестройки этой системы). Введение новой или инновационно переосмысленной категории требует соответствующего *термина*. (Триада термин – категория – концепт представляет собой очевидную модификацию базового для семиотики треугольника Фреге).

Обновленная на базе инновационного концепта система категорий требует адекватного обновления дискурсивной манифестации теоретического мышления. Так складывается идиолект научного языка, чем каждая теория, рассмотренная со стороны креативной компетенции теоретического дискурса, по сути своей и является. Действенность теории состоит, как известно, в ее практической приложимости, т.е. в объеме и эффективности идентификационного ресурса привносимого в науку метаязыкового идиолекта, в широте спектра предоставляемых им возможностей фиксации и систематизации научных фактов (свидетельств существования той или иной области познания).

Рецептивная компетенция теоретического дискурса очерчивает круг реципиентов, адекватных учреждаемой высказыванием инстанции адресата. У всякой настоящей теории – в отличие от ее квазитеоретических критик или популяризаций – такой круг не может быть слишком широк. Он включает в себя только носителей научного знания, охватываемого данной теорией. Коллизия теории и здравого смысла, разыгранная А. Компаньоном²⁴, – это ложная коллизия, поскольку ни одна научная теория не адресуется к здравому смыслу; она обращена к научному знанию, которое она объясняет.

Помимо предполагаемого манифестируемой теорией уровня научной компетентности адресат теоретического дискурса призван обладать некоторым коммуникативным ресурсом сознания. Таких ресурсов, как репродуктивность (необходимая для получения знаний) или регулятивность (необходимая для получения инструкций, овладения убеждениями), при знакомстве с теоретической аргументацией совершенно недостаточно. Природа понимания такова, что для освоения теории некоторого объекта необходимо постичь ментальность самого теоретизирующего субъекта.

Поскольку теоретическое высказывание базируется на некоторых необщепринятых концептуальных основаниях, разворачиваемая им система аргументации обладает собственной логикой. Ответное понимание со стороны ад-

²³ Об «эволюционных рядах» концептов см.: Степанов Ю.С. Язык и метод. К современной философии языка. М., 1998.

²⁴ См.: Компаньон А. Демон теории. М., 2001.

ресата должно солидаризироваться с этой логикой как одной из возможных по отношению к данной сущности. Скованное рамками одной единственной логики (императивной логики убеждения) теоретическое мышление невозможно: безальтернативное обобщение есть акт веры, а не теоретического познания. От теоретизирующего сознания требуется полилогия – способность мыслить в нескольких логиках. Открывающаяся в полилоговости возможность перехода на иную позицию по отношению к известным ранее фактам, возможность переноса чужой точки зрения внутрь собственного опыта обеспечивается коммуникативным ресурсом солидарности уникальных человеческих сознаний.

Солидарность мышления составляет рецептивную компетенцию теоретического дискурса. Читать текст теоретика как цепь утверждений, каждое из которых по отдельности может быть оспорено, совершенно бесперспективно: действительная теория, если она манифестирована текстом, не дробится на такие утверждения. Она состоит в той эксплицирующей энергии теоретизирующего разума, которая скрепляет эти утверждения, инспирируя ментальное событие чужого понимания (взаимопонимания).

Очерченная названными компетенциями область теоретического дискурса столь определена, что позволяет осуществить исторический подход к ней и выявить некоторые стадийные стратегии теоретизирования как дискурсивной практики.

Исторически наиболее ранняя (архаичная) стратегия теоретических высказываний может быть определена как *эйдетическая*. В рамках этой стратегии, сложившейся еще в греческой античности, сущность мыслится как предшествующая существованию: это эйдос, который следует восстановить по его неполноценным проекциям в сфере существования. Понимание здесь выступает как платоновское «припоминание».

Стадийно более поздней, классической для Нового времени предстает *критическая* стратегия теоретической дискурсии, связанная в первую очередь с именем Канта. Поскольку о запредельных для человеческого опыта сущностях (эйдосах) «мы не знаем и не можем знать ничего определенного»²⁵, на долю теории остается критика кажимостей практического опыта или недостоверных теоретических построений. Критическое понимание как более новый и более основательный подход к предмету понижает статус предыдущих пониманий до субъективного мнения или некритически усвоенного предубеждения. Всякая теория оказывается новой версией предполагаемых сущностей, возникающей как критика прежних версий – неудовлетворительных высказываний: «При постепенном развитии познания совершенно неизбежно, чтобы некоторые выражения, ставшие уже классическими и возникшие, когда наука еще не вышла из детского возраста, впоследствии оказались недостаточными и неподходящими»²⁶.

²⁵ Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука // Кант И. Соч.: В 6 т. Т. 4, ч. 1. М., 1965. С. 135.

²⁶ Там же. С. 91.

С последовательно антропоцентрической точки зрения, лежащей в аксиоматическом основании теории как критики, существование (во всяком случае для теоретизирующего человека) предшествует сущности²⁷.

Что касается новейшего исторического периода – наступившей в XX веке и переживаемой нами эпохи неклассической рациональности, неклассической художественности, неклассической религиозности и т.п., – то подлинный фундамент коммуникативной стратегии «неклассического» теоретизирования составляет аксиома взаимодополнительности существования и сущности. На этом основании возникает очередной стадийный тип теоретического дискурса – *проективный*. Именно о нем размышляет Михаил Эпштейн, когда пишет: «Философия, как наука о первоначалах, первосущностях, первопринципах, уже не спекулирует на том, что было вначале, а способна сама закладывать эти начала, определять метафизические свойства инофизических, инопостранственных, инопсихических миров. Философия не завершает историю, не снимает в себе и собой все развернутые в ней противоречия разума, а развертывает собой те возможности разума, которые еще не воплотились в истории»²⁸.

Если первая и вторая стратегии теоретической дискурсии соотносятся как онтологическая и эвристическая, то проективная теория совмещает в себе оба эти момента на началах взаимодополнительности. В рамках проективной стратегии теоретическое суждение представляет собой своеобразную пробу эволюции (Тейяр де Шарден), которой предстоит «выжить» в intersubъективной среде человеческого мышления. Как таковая она хранит в себе позитивный «генетический» опыт предшественников по эволюционной цепи.

В отличие от *дивергентной* коммуникативной стратегии теоретического критицизма теоретический проективизм являет собой *конвергентную* стратегию «диалога согласия» (Бахтин). Ничего не отвергая, но все принимая пересмысленным, такая теория строится как новое здание на старом фундаменте с привлечением иных концепций в качестве строительных блоков.

²⁷ Ср.: «Природа есть существование вещей» (Там же. С. 111. Выделено Кантом).

²⁸ Эпштейн М. Конструктивный потенциал гуманитарных наук. М., 2006. С. 21-22.